
П.Вайль, А.Генис

Бремя маленького человека. Гоголь

«Мертвые души» слегка отдают бедкером¹. Все же Гоголь их сочинял за границей, и следы отстраненного взгляда остались на бумаге.

Совершая свое путешествие по России, он объясняет родину не только соотечественникам, но и иностранцам — словно автор путеводителя. Вскользь брошенные замечания («в большом ходу у нас на Руси»), заботливо составленные перечни («белеет всякое дерево — шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересеки, ушаты, лагуны, жбаны с рыльцами и без рылец»), словарики местных выражений, примечания, публицистические рассуждения, капризные обобщения («Эх, русский народец! не любит умирать своей смертью!») — все это обличает гоголевский замысел: представить Россию в едином образе, сжатом, характерном, типичном. Из Европы он озирает Россию как целое. Это не Диканька, не Невский проспект, это — «могучее пространство... сверкающая, не знакомая земле даль». И вот эту невообразимо огромную страну Гоголь должен был оторвать от карты и оживить своим воображением.

Образ России создавался по опять-таки слегка бедкеровской методе, описанной ранее автором: «Нужно собрать не многие черты, но такие, которые бы высказывали много, черты самые оригинальные, самые резкие, какие только имел изображаемый народ» («О преподавании всеобщей истории»).

А потом, поскольку автор — гений, портрет России выйдет из рамы. Гоголевская Русь станет соперничать с настоящей до тех пор, пока не подтянет оригинал до своего уровня, пока не затмит его. И тогда миру наконец явится безукоризненно правдивый и бесконечно возвышенный образ России, в котором вымысел и действительность сольются в нерасторжимом единстве.

Может, ради этого грандиозного, и, как бы мы теперь сказали, соцреалистического проекта, Гоголь сидел в первом Риме, чтобы российская действительность не мешала ему наблюдать законченную картину Рима третьего.

Хотя Гоголь сумел возвести только пропилеи к своему русскому акрополю, тень многотомности, витающая над «Мертвыми душами», легла на каждую страницу. И мы уже готовы поверить автору, что есть какая-то идеальная гоголевская Русь, которая пятится в первый том «Мертвых душ» из будущего — из сожженного второго, из ненаписанного третьего, из грядущего царства правды, добра и удали.

Свою Россию Гоголь строит с самого начала, на пустом месте. Географическая точка — город NN — и в ней человек, самый заурядный, самый обыкновенный: «Ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод».

Человек этот такая же абстракция, как буквы NN в названии города. Таким и должен быть герой путеводителя — типичный пример, любой и каждый, нейтральный и невзрачный инструмент исследования.

Выбор автора случаен. Мог бы подвернуться и кто-нибудь другой. Например, молодой человек из того же первого абзаца, про которого зачем-то написано, что у него была «манишка», застегнутая тульской булавкой с бронзовым пистолетом». Но молодой человек навсегда ушел «своей дорогой», а господин в бричке остался. Что ж, пусть он и будет главным, какая разница?

¹ *Бедкер* — название широко распространённых путеводителей по различным странам для путешественников и туристов, содержащих обширный фактический материал (на немецком и других языках). Название получили по имени немецкого книготорговца и издателя К. Бедкера (K. Baedeker, 1801–1859), первоначально составившего свои путеводители на основе данных, полученных им в результате путешествий и поездок.

Однако, как только Гоголь выделил Чичикова из толпы, с героем начались приключения. Гоголевский глаз таков, что любой предмет, попадающий в поле его зрения, разрастается, пухнет и наконец взрывается, обнаруживая свою подноготную. Опасные свойства гоголевского зрения — от зоркости, от слишком пристального рассматривания — как в сильную лупу: сразу прыщи, поры, несвежее белье.

Не зря Гоголь угрожает читателю, предлагая обратиться к самому себе с вопросом: «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» Если отвечать на этот вопрос возьмется Гоголь, результат неизбежен — сглазит. Так что этому, с тульской булавкой, еще повезло. Можно сказать, что Чичиков пострадал за других: он такой же, как все, и его заурядность лежит в фундаменте всей конструкции поэмы.

Среди тех, кто вышел из безмерно широкой гоголевской «Шинели», были не только униженные и оскорбленные Достоевского. Вылез из нее и «подлец Чичиков». Акакий Акакиевич — первый чиновник главного героя «Мертвых душ».

Знаменитый маленький человек Башмачкин остался, в общем, для читателя загадкой. Точно про него известно только, что он — маленький. Не добрый, не умный, не благородный, Башмачкин всего лишь представитель человечества. Самый что ни на есть рядовой представитель, биологическая особь. И любить, и жалеть его можно только за то, что он тоже человек, «брат твой», как учит автор.

В этом «тоже» заключалось открытие, которое пылкие поклонники и последователи Гоголя часто трактовали превратно. Они решили, что Башмачкин хороший. Что любить его надо за то, что он жертва. Что в нем можно открыть массу достоинств, которые Гоголь забыл или не успел вложить в Башмачкина.

Но сам Гоголь не был уверен, что маленький человек — герой безусловно положительный. Поэтому он и не удовлетворился «Шинелью», а взялся за Чичикова.

Заурядность, серость Чичикова, этого «господина средней руки», постоянно подчеркивается автором. Его герой мелок во всех проявлениях своей сущности. Ограниченность — главная черта Чичикова. И карьеру свою он строит из скучных Кирпичиков — бережливости, терпения, усердия. Мечты его приземлены и ничтожны: «Ему мерещились впереди жизнь во всех довольствах, со всеми достоинствами; экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды». Все это — та же шинель Акакия Акакиевича, слегка раздавленная в размерах, но не изменившая своей издевательской, анекдотической сути. Ради своей шинели (голландских рубах и заграничного мыла) Чичиков и пускается в аферу. Ему кажется, что райское блаженство начинается за порогом «дома, отлично устроенного». Как и Башмачкин, Чичиков слишком всерьез верит в свою незатейливую цель.

Эта наивность даже придает ему некоторую человечность. Пройдоха Чичиков оказывается чересчур простодушным, чтобы обвести вокруг пальца Ноздрева, или Коробочку, или своего напарника — подельника из таможни. Он даже не удосужился придумать правдоподобную легенду, объясняющую покупку мертвых душ.

Маленький человек с маленькими страстями, Чичиков знает одну цель — деньги. Но и тут он недостаточно последователен, чтобы стать воплощением злодейства. Зачем Чичиков остается в городе NN после оформления купчих крепостей? Зачем легкомысленно влюбляется в губернаторскую дочку? Зачем нерасчетливо наслаждается дружбой городских чиновников?

Все оттого, что Чичиков на самом деле не столько ищет капитала, не столько ждет исполнения своих коварных планов, сколько надеется войти в человеческую жизнь — обрести друзей, любовь, тепло. Он хочет быть своим на празднике жизни, который устраивают в его честь «энские» горожане. И ради этого откладывается афера. Чичиков тормозит сюжет, примеряя то маску херсонского помещика, то наряд первого любовника. В апофеозе светских успехов он сбрасывает с себя бремя маленького человека. Он распрямился настолько, что сумел даже на время забыть про свою вожденную шинель.

Но маленький человек годится лишь для своей роли. И Чичикову не дано ни в чем добиться успеха. Вечно у него все рушится в последний момент, никак ему не удается подрасти хотя бы до обещанного автором «подлеца».

Почему, собственно, ловкий Чичиков обречен на провал? Гоголь ясно отвечает на этот вопрос: Чичиков слишком мелок для России, для этой грандиозной, мифической державы.

Автор сожалеет о нем, как и о Башмачкине, но не может не показать, что маленькие люди сами виноваты в мизерности своей судьбы. С горечью Гоголь восклицает: «Хоть бы раз показал он в чем-нибудь участие, хоть бы напился пьян и в пьянстве рассмеялся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойник в пьяную минуту... Ничего не было в нем ровно: ни злодейского, ни доброго».

Да, Чичиков — не запорожец. Но самое страшное, что он живет в России. Маленький человек в огромной стране — вот трагический масштаб «Мертвых душ».

Гоголь проводит Чичикова сквозь строй истинно русских людей, каждый из которых — эпическая фигура. И Манилов, и Собакевич, и Коробочка, и Плюшкин — все они пришли из мира сказки. В них легко узнать Кощея Бессмертного или Бабу-Ягу. Они живут в фольклорном хронотопе, по законам той излюбленной Гоголем гиперболической поэтики, которая только редкой птице позволяет долететь до середины не такого уж широкого Днепра.

Величественные в своих пороках, привычках, образе жизни, даже внешности (если Плюшкин и прореха, то сразу на всем человечестве), эти былинные герои представляют гоголевскую Русь как страну сказочную, чудесную, абсурдную. Безумие здесь заменяет здравый смысл и трезвый расчет. Здесь нет нормы — только исключения. Здесь каждая мелочь важна и таинственна. И губернатор, вышивающий по тюлю, и почтмейстер, к которому всегда обращаются «Шпрехен зи дейч, Иван Андреич», и чиновник с кувшинным рылом, и уж совсем никому не ведомый человек с небывалой фамилией Доезжай-не-доедешь.

Гоголь с наслаждением описывает свою Русь, где тайна заключена во всем, где ничего нельзя объяснить до конца, где жизнью управляет абсурд, нелепица. Нормален в «Мертвых душах» один Чичиков. Хотя вроде бы и у него есть тайна. Десять глав читатель, как и все персонажи книги, не знает, зачем Чичикову мертвые души. Но в последней, одиннадцатой главе, выясняется, что чичиковская тайна — ненастоящая: она имеет разгадку.

Чичиков — единственный герой, поэмы, который знает, что и зачем делает: он шьет себе шинель. Тайна мертвых душ оказывается заурядной аферой, мелким жульничеством. Про Плюшкина не скажешь: он копит добро, чтоб разбогатеть. И Ноздрев врет не себе на пользу. А вот Чичиков — как на ладони. Гулливер среди великанов, он — воплощенная норма, материал для сравнения. Обычный среди необычного, он разрушает своим появлением сказочный мир гоголевской России. Чичиков — герой другого романа.

Пусть бы он был самозванец, как Хлестаков, пусть бы великолепный шарлатан, пусть капитан Копейкин, пусть Бонапарт! Но нет, Чичиков — маленький человек, и ему принадлежит будущее. Ведь он единственный персонаж «Мертвых душ», который что-то делает.

Город NN со всеми окрестностями погружен в вековую спячку. Тут царит праздность — бесцельная и вечная. А Чичиков — буржуй. Это Онегин и Печорин берут деньги из тумбочки. Это они не опускаются до меркантильных расчетов. Чичиков деньги зарабатывает. Трудолюбивое насекомое, он верит, что «цель человека все еще не определена, если он не стал наконец твердой стопой на прочное основание». И ничтожность природы не позволяет ему понять, насколько мнима прочность этого «основания».

Однако, как ни уютно было Гоголю с его бесполезными монстрами, Русь-тройку он запряг, чтобы везла она Чичикова — других не было.

Из своего итальянского далека Гоголь взирал на родину глазом государственного человека. Чтобы Россия пришла в движение, чтобы и вправду посторонились «другие народы и государства», надо, чтобы аллегорической тройкой управлял Чичиков — средний, рядовой, маленький человек. Что с того, что он нам не нравится? Гоголю он тоже не нравился. Но, повторим, других-то нет.

Гоголь понимал, что из сказочного оцепенения нельзя вырвать Коробочку или Манилова. Прекрасные в своей цельности, завершенности, эти фигуры принадлежат эпическому времени. Они всегда остаются сами собой, как Змей Горыныч.

Другое дело — Чичиков. Он — герой нового времени. Он еще не устоялся, еще не завершен. Его энергия — отражение внутренней противоречивости. Поэтому в Деятельном негодяе и просвечивает что-то человеческое.

«Припряжем подлеца», — говорит Гоголь, пристраивая Чичикова к птице-тройке — но сделаем так, чтобы в подлеце родился человек. Чтобы он, осознав низменность своей цели, направлял хватку, сметку, волю на подвиг христианского труда и государственного строительства.

Чтобы Русь понеслась к ослепительному идеалу, именно Чичикову надо пережить «второе рождение», именно с ним должно случиться чудо обращения, которое так часто происходит с будущими героями Толстого. Губернская кунсткамера «Мертвых душ» была слишком абсурдна и нелепа, чтобы ее можно было «припрясть» к идеалу. Казалось, Чичиков с его мелкой душонкой еще меньше похож на великолепного героя несостоявшегося третьего тома. Но Гоголь видел, что положительные герои берутся только из отрицательных. Только если маленький человек вырастет в большого, утопическое создание гоголевского гения станет реальностью. Мужественная борьба автора со своим героем вела к тому, что Чичиков сможет сбросить скорлупу подлых цепей и пошлых желаний. Новые люди, строители грядущего третьего тома и третьего Рима, должны родиться из убогих Чичиковых.

Не зря Гоголь дал кощунственное определение русскому писателю: «При одном имени его уже объемлются трепетом молодые пылкие сердца, ответные слезы ему блещут во всех очах... Нет равного ему в силе — он Бог!» Гоголь понимал, кем надо быть, чтобы совершить с Чичиковым чудесную метаморфозу.

Перед величием гоголевского замысла меркнет его поражение. Пусть Чичиков остался мелким подлецом, а «Мертвые души» — незаконченной книгой. Русская литература получила ориентир и задачу, выполнять которую выпало на долю Толстого и Достоевского. А маленький человек так и остался величайшей тайной и величайшим шедевром нашей словесности.